

на платформе

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ
ТЕХНОЛОГИИ

letmeprint.ru

ПЕТР УСПЕНСКИЙ

Tertium organum.
Ключ к загадкам мира

ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 11
ББК 87.1
У77

Успенский П.

У77 Tertium organum. Ключ к загадкам мира / Петр Успенский. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2022. — 451 с. : ил. — (Серия «Пальмира — гримуар»).

Книга «Tertium organum. Ключ к загадкам мира» впервые издана в 1911 году. По словам автора, она является ключом к тайнам пространства и времени. В книге исследуются эти загадки, а вместе с ними оккультизм и любовь, одушевленная природа, голоса камней, математика бесконечного, логика экстаза, мистическая теософия, космическое сознание, мораль, рождение сверхчеловека.

УДК 11
ББК 87.1

ISBN 978-5-517-07364-8

© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2022

И клялся...
что **времени уже не будет.**

Апокалипсис, 10:6

...Чтобы вы, укорененные и утвержденные *в любви*,
могли *постигнуть* со всеми *святыми*,
что — **широта и долгота,**
и глубина, и высота.

Апостол Павел.
Послание к Ефесянам, 3:18

ГЛАВА I

Что мы знаем и чего не знаем? Наши данные и наши искомые. Известные, принимаемые за известные. Материя и движение. К чему приходит позитивная философия? Тождество неизвестных: $x = y$, $y = x$. Что мы действительно знаем? Существование сознания в нас и мира вне нас. Дуализм или монизм? Субъективное и объективное познание. Где лежат причины ощущений? Система Канта. Время и пространство. Кант и «эфир». Замечание Маха. С чем в действительности оперирует физик.

Научись отличать реальное от ложного.
«Голос Молчания».

Е.П.Б.

Самое трудное: знать, что мы знаем, и чего не знаем.

Поэтому, желая что бы то ни было знать, мы должны прежде всего установить, **что** мы принимаем, как данное, и **что** считаем требующим определения и доказательства; т.е. установить, **что** мы уже знаем — и **что** желаем знать.

По отношению к нашему познанию мира и себя мы находились бы в идеальных условиях, если бы мы могли не принимать как данное *ничего* и считать *все* требующим определения и доказательства; или, иначе говоря, лучше всего было бы предположить, что мы ничего не знаем, — и идти от этого.

Но, к сожалению, создать такие условия невозможно. Что-нибудь должно быть положено в основу, что-нибудь должно быть признано известным. Иначе нам все время придется определять одно неизвестное посредством другого.

С другой стороны, мы должны опасаться принять как известные, как *данные* вещи, в сущности, совершенно неизвестные, только предполагаемые, *искомые*. Мы должны опасаться попасть в такое положение, в каком находится позитивная философия, в основу которой долгое время клалось признание существования *материи* (материализм), а теперь кладется признание существования *энергии*, т.е. силы или *движения* (энергетизм), хотя в действительности материя и движение всегда были неизвестными, *иксом* и *игреком*, и определялись одно посредством другого.

Всякому совершенно ясно, что нельзя *искомое* принимать за *данное*, и нельзя одно неизвестное определять посредством другого неизвестного. В результате не получается ничего кроме *тождества неизвестных* $x = y$, $y = x$.

Именно это *тождество неизвестных* и есть конечный вывод, к которому приходит позитивная философия.

Материя — это то, в чем происходят изменения, называемые движением; а движение — это те изменения, которые происходят в материи.

Что же мы знаем?

Мы знаем, что на первой же ступени самосознания человеку бросаются в глаза два очевидных факта:

Существование мира, в котором он живет — и существование сознания в нем самом.

Ни того, ни другого человек ни доказать, ни опровергнуть не может, но и то, и другое для него *факт, действительность*.

Можно задумываться о взаимоотношении этих двух фактов. Можно стараться свести их к одному — т.е. рассматривать сознание как часть или функцию мира — и мир как часть или функцию сознания. Но это уже будет отвлечение от фактов, и все такие соображения для обыкновенного, не мудрствующего взгляда на мир и на себя не будут иметь характера очевидности. Наоборот, единственным *очевидным фактом* остается противоположение *Я и Не я*, — сознания и мира.

В дальнейшем мы будем возвращаться к этому основному положению. Но пока у нас нет никаких оснований возражать против очевидного факта существования *нас самих*, т.е. нашего сознания, — и *мира*, в котором мы живем. Это мы и должны принять как *данное*.

Но зато это единственное, что мы имеем право принять как данное. Все остальное требует доказательства своего существования и определения на основании имеющих у нас двух данных.

Пространство с его протяженностью; *время* с идеей *прежде, теперь и после*; количество, масса, вещественность; число, равенство, неравенство; тождество и противоречие; причина и следствие; эфир, атомы, электроны, энергия, жизнь, смерть... — все, что кладется в основу обычного знания, — *это все неизвестные*.

Из двух основных данных — существования сознания в нас и мира вне нас — непосредственно вытекает совершенно ясное для нашего обычного сознания разделение всего, что мы знаем, на *субъективное* и *объективное*.

Именно — все то, что мы принимаем как свойства мира, мы называем *объективным*; а все то, что мы принимаем как свойства нашего сознания, мы называем *субъективным*.

«Мир субъективного» или субъективный мир мы познаем *непосредственно*; он в нас; он и мы — это одно.

«Мир объективного», или объективный мир, мы представляем себе существующим как бы вне нас, помимо нас.

Он и мы — это разное. Нам кажется, что если мы закрываем глаза, то объективный мир продолжает существовать таким же, каким мы его сейчас видели, и что если погаснет наше сознание, исчезнет наше Я, исчезнет субъективный мир, — то объективный мир будет существовать по-прежнему, как существовал тогда, когда нас не было, не было нашего субъективного мира.

Точнее всего определяет наше отношение к объективному миру то, что мы познаем его *во времени и в пространстве*, — и иначе, вне этих условий, ни познать, ни представить себе не можем. Обыкновенно мы говорим, что объективный мир состоит из вещей и явлений, т.е. вещей и перемен в состоянии вещей. *Явление* существует для нас во времени, *вещь* в пространстве.

Но такое разделение субъективного и объективного мира нас не удовлетворяет.

Путем рассуждения мы можем установить, что в действительности мы знаем только свои собственные ощущения, представления и понятия — и мир объективного познаем, проектируя вне себя причины своих ощущений, которые мы у них предполагаем.

Затем мы находим, что наше познание как субъективного, так и объективного мира может быть *истинным и ложным*, правильным и неправильным.

Критерием для определения правильности или неправильности нашего познания субъективного мира служит форма отношений одного ощущения к другим и *сила*, и характер *самого ощущения*. Иначе говоря, правильность одного ощущения проверяется сравнением его с другим, в котором мы более уверены, *или интенсивностью и вкусом данного ощущения*.

Критерием для определения правильности или неправильности нашего познания объективного мира *служит то же самое*. Нам кажется, что мы определяем вещи и явления объективного мира путем сравнения их между собою; и мы думаем, что находим законы их существова-